

ОЖИВШЕ ПРЕДАНИЯ

Пролог

26 октября 1382 года¹

Москва-река в среднем течении

В русские земли успела прийти зима. Деревья на берегах потеряли листву, взамен которой их ветви распушились легкой изморозью; стоячая вода под берегом, над омутами и между листьями кубышек покрылась прозрачной корочкой, но самое неприятное — наледью прочно прихватило бечевник, оставшийся влажным лишь в самых солнечных местах. Тропа стала скользкой до полной непроходимости, бурлаки падали с ног и съезжали в реку даже без каната, а потому тянуть ладью были неспособны. Пришлось пробиваться против течения на веслах — медленно и нудно, упрямо отвоевывая у воды версту за верстой.

Обнаженные по пояс гребцы меняли друг друга на банках каждые четверть часа. Отработавшие смену мужчины без сил падали на мешки и узлы, сложенные возле бортов, и, несмотря на мороз, обтекали по-

¹ Здесь и далее все даты даны в современном формате, дабы читатель не мучился с постоянным вычитанием 5508 лет, различающих летоисчисления «от сотворения мира» и «от рождества Христова».

том. Отдышавшись, брели на корму, жадно пили из ведра ледяную воду, снова падали на спину и закрывали глаза — чтобы через полчаса опять вернуться на гребную банку и изо всех сил навалиться на черную влажную рукоять...

Никто не жаловался. Поздняя осень коварна, и любая ночь способна обрушиться на путников трескучим морозом, каковой превратит реку из торного пути в неодолимую преграду. Если ледяные мостики перехватят стремнину даже в редких местах — пробить их окажется не так-то просто. На веслах, да против течения — даже через корку в палец толщиной кораблю уже не пройти. Зимовать же на диком берегу вдали от родного жилья никому из корабельщиков совсем не улыбалось. В этом году ласки от русских людей татарам явно не дожждаться. Оказавшись надолго в их власти, нетрудно и вовсе сгнуться, и следов никаких среди темных безлюдных чащоб не останется.

— Москва... — внезапно произнес кормчий, укутанный в овчинный тулуп. Смуглый старик с морщинистым безволосым лицом повел плечами, облегченно поцеловал ноготь большого пальца, резко отвел его в сторону и повторился: — Москва!

Отдыхающие гребцы резко подняли головы, многие даже встали — однако ничего интересного окрест не заметили. По берегам тянулся все тот же низкий и густой заиндеветый осинник, похрустывал от расходящихся волн тонкий ледок, шелестел меж ветвей слабый ветер.

Через несколько мгновений у стоящей на корме небольшой надстройки, обитой кошмой и увенчанной посередине начищенным медным навершием, распахнулась дверь, на палубу вышел широкоплечий мужчина лет пятидесяти на вид, среднего роста,

с окладистой рыжей бородой, острым носом и ясными голубыми глазами. Голову его украшала остроко-
нечная шапочка, сверкающая золотой вышивкой, на
плечах лежала соболья, крытая парчой шуба, распах-
нутая на груди. Разошедшиеся полы открывали взгля-
дам корабельщиков стеганый халат из драгоценного,
синего с розами шелка. Бархатные шаровары уходи-
ли в красные сапоги мягкого войлока с загнутыми
вверх носками, украшенными вдобавок серебряными
наносниками. Опясывал мужчину широкий ремень,
весь сверкающий от золотых с рубиновыми вставками
накладок, полированной пряжки с изумрудом, множе-
ства золотых клепок на поясной сумке, что склады-
вались в замысловатый узор, похожий на арабскую
вязь; ножны сабли и косаря матово белели резными
накладками из слоновой кости, а рукояти желтели
солнечным янтарем. Весь облик путника доказывал,
что в путешествие в столь неурочную годину отпра-
вился не просто знатный и богатый человек — а воин
невероятно знатный и богатый.

— Почтение и повиновение, мурза Карач, почте-
ние и повиновение! — Сидевшие гребцы склонились
в поклоне, лежащие встали на колени, ткнувшись ли-
цом в тесовую палубу.

Не обращая на них внимания, мурза прошел на
нос ладьи и остановился там, закинув руки за спи-
ну. И, словно бы испугавшись прогневать властного
гостя, Москва-река вильнула у длинной травяной от-
мели, леса шархнулись в стороны — и за излучиной
пред взорами корабельщиков раскинулись простор-
ные луга, пусть и прибитые морозом, черные грядки
огородов, редкие низкие стожки, а далеко впереди,
примерно в двух верстах, широкой белой полосой
с золотистыми луковками сверху предстала богатая

и великая Москва, столица великого князя Дмитрия Ивановича.

Близость последнего на долгом пути причала взбодрила гребцов. Весла стали взмахиваться чаще, врезаться в воду со свежей силой, и уже через час одинокая ладья прошла под самыми стенами города, сложенного из белого известняка, под черными жерлами пушек и хмурыми взглядами одетых в кольчуги караульных, опирающихся на длинные рога-тины.

Мурза Карач, не проявляя спешки, оглянулся через плечо. Убедился, что на корме стоит воин с его бунчуком — два седых волчьих хвоста и коричневый пучок лошадиного волоса между ними — под бронзовой звездой, украшающей длинное копейное древко. Проверив, что все в порядке, путник чуть скривился и опустил ладони на пояс, заправив за него большие пальцы рук и разведя плечи. Он знал — прямо сейчас, в эти самые минуты, где-то там, в крепости, бегут со всех ног вестники, дабы сообщить князю Дмитрию Московскому о прибытии на Русь ордынского воеводы. И потому гость северных земель вел себя так, как и надлежало выглядеть прибывшему в столицу поверженного врага полномочному послу великого и непобедимого царя Тохтамыша: спокойно и уверенно, излучая снисходительность и безмятежность. Мурзе Карачу нечего было бояться в русских землях. Ведь его защищала не сабля на поясе и не копьё нескольких телохранителей, а вся мощь великой степной державы, стоящей за его плечами!

Ладья приткнулась к причалу, что выступал в реку сразу за оборонительным рвом, двое корабельщиков спрыгнули на жердяной помост, торопливо примотали канаты к причальным быкам, бросили на борт сходни.

По ним царский посол спустился с корабля, первым сойдя на берег. Поднялся на крутой склон, остановился там, оглядываясь по сторонам.

Несмотря на то что со дня ухода ордынской армии миновало всего два месяца, никаких следов войны мурза нигде не видел. Чистенькие стены белокаменной крепости без следов грязи и копоти, золотистые шатры над башнями, широкие подъемные мосты у ворот. И далеко окрест — многие десятки, если не сотни таких же беленьких срубов под двускатными крышами, крытыми свежей влажно-белой дранкой. Все вокруг пахло едкой смолой, влажной свежестью и немного — луком и соленьями. Словно бы и не случилось здесь никакого разорения, сражения и штурма, словно бы и не сжигали русские горожане своих посадов, дабы лишить вражескую армию крова и материала для осадных работ.

Душу ордынского посла кольнула зависть: небеса были слишком милостивы к русским! Они одарили их всем: полноводными реками для путешествий, рыбалки и водопоев, густыми лесами, позволяющими в считанные дни строить крепости и целые города взамен уничтоженных либо возводить твердыни просто по княжеской прихоти. Одарили бездонными болотами, полными драгоценной железной рудой и глиной для домниц, в которых сия руда превращалась в железо. Небеса щедро одарили русских всем тем, о чем в его родных степях можно было только мечтать: водой, домами, оружием... Всем тем, что татарам удавалось добывать токмо арабским серебром либо мучениями, отвагой и большой кровью.

В этот раз степнякам все-таки удалось пройти по русской земле огнем и мечом, гневом и разорением. Интересно, смирятся ли местные жители перед

обрушившейся на них неодолимой силой? Склонят ли головы перед великим Тохтамышем, потомком Солнца, царем Волжской и Заяцкой Орды? Признают ли власть непобедимого царя, согласятся ли заплатить за мир? Насколько князь Дмитрий Иванович страшится нового разорения и как сильно желает покоя?

Мурза Карач покосился на мост, опущенный от Фроловских ворот через широкий ров.

Великий князь, несомненно, уже знал о его прибытии. Выйдет ли он сам, дабы поклониться посланцу ордынского царя, или пришлет кого-то из своих слуг? Пригласит ли к себе отдохнуть после долгого пути али просто проводит до Ордынского подворья? В посольском деле важна каждая мелочь! Коли правитель спешит первым поклониться царскому послу — значит, полностью сломлен случившейся бедой, страшится ее повторения и ради мира готов согласиться на любые условия. Целовать крест на верность, платить дань, выходить на службу. Именно сего в таком случае на переговорах требовать и следует. Коли князь присылает слуг, бояр — выходит, стремится сохранить честь и достоинство и вполне способен взять в руки меч ради их защиты. Такой на службу не согласится, но дань платить станет. Что до клятвы верности — то это уж как переговоры сложатся...

Посол посмотрел на небо, плотно затянутое белесой дымкой, позволил упасть на лицо несколькими крохотным снежинкам, изредка соскальзывающим с небес. Покосился на мост.

Но тот оставался пустым.

Зашелестела мерзлая травка, рядом с мурзой остановился бритый воин, одетый в крытый цветастым атласом стеганый халат, с опущенной горностаем

железной мисюркой на голове. Алые сапоги, ножны с резными костяными накладками и поясная сумка с сандаловыми палочками вместо застежек. Одевание вроде скромное — но недешевое. Мурза Карач следил за этим лично, ибо по внешности телохранителей судят о достатке их хозяина. Коли дом богат — то в нем даже самый последний раб не бедствует.

Воин шумно ударил древком бунчука о мерзлую землю и замер рядом с господином.

Посол опять покосился на мост. Крылья его носа шелохнулись, мурза вздохнул чуть глубже — однако в остальном продолжал сохранять внешнее спокойствие. Ведь ничего оскорбительного покамест не случилось. Гость только что прибыл, сошел на берег. Теперь разминает ноги, осматривается. Ожидает, пока слуги выгрузят его багаж. Обычные хлопоты любого путника...

Мурза Карач снова посмотрел на мост, пригладил ладонью бороду — и нервно передернул плечами.

Даже если великого князя нет в Москве — кто-то ведь должен выразить свое уважение ордынскому послу! Иначе это выйдет совсем уже полное пренебрежение, граничащее с поруганием!

Наконец послышался конский топот — но на мосту появилась вовсе не делегация русских бояр, а одинокий всадник в халате и округлой меховой шапке, ведущий в поводу двух оседланных скакунов. Спешившись в десятке шагов перед послом, слуга низко поклонился, подошел ближе, опустил голову снова:

— Мое почтение, досточтимый мурза! Долгие тебе лета, здоров...

— Князь Дмитрий в городе? — перебил татарина посланник всемогущего Тохтамыша.

— Да уж месяц безвылазно сидит, досточтимый мурза, — воин приложил ладонь к груди, словно бы клялся в своих словах. — Восстановлением столицы занимается, мертвых поминает, снаряжение ратное подвозит.

— Месяц, выходит... — Татарский посол уже откровенно скривился.

В любом другом случае мурза Карач просто развернулся бы и уехал, не входя в ворота.

Коли правитель не боится войны — пусть получает войну!

В степи достаточно храбрых воинов, хватит вразумить любого непокорного бунтаря!

Но, увы, царь Тохтамыш прислал его сюда, в Москву, заключать мир — а не искать новых ссор! Правителю Волжской и Заяцкой Орды были нужны беляны¹ и оружие. И то, и другое русские изготавливали долгими мирными месяцами — и потому никаким, даже самым удачным набегом добыть всего этого было невозможно. Только покупать, заверяя северян в своей вечной и искренней дружбе.

Будучи умным и дальновидным властелином, Тохтамыш и вовсе не стал бы воевать с Русью. Однако пять лет назад великий князь Дмитрий Московский сам, своею волей, первым напал на Орду² и захватил Булгар. Взяв в татарских землях богатую добычу, северянин присвоил себе весь прикамский улус и по-

¹ Беляны — огромные «корабли», до двух сотен метров в длину и полусотни метров в ширину, собранные из строительных материалов (белого дерева). С древних времен и вплоть до середины XX века строились в лесистых верховьях Волги и в половодье сплавлялись вниз по реке. В степных районах их полностью разбирали и продавали местным жителям.

² «Булгарский поход» 1376 года дружин московской и суздальской под командованием воеводы Боброка.

садил на Волге своих мытарей. Стерпеть подобной обиды и унижения полновластный царь, понятно, не мог — и этим летом вернул захваченные русскими земли обратно, попутно наказав виновника грабительским набегом...

Но теперь Орде требовался мир! Каковой и надлежало добыть ему, полномочному послу Карачу...

— Я привел лошадей, досточтимый мурза... — с поклоном прервал затянувшееся молчание здешний слуга.

Посол в задумчивости кивнул, медленно прошел к одному из скакунов, поднялся в седло. Следом, на вторую кобылку, спешно запрыгнул воин с бунчуком. Мурза тронул пятками коня и повернул к мосту.

Ордынское подворье находилось почти сразу за Фроловскими воротами, по правую руку. Тын из бревен в ногу толщиной отгораживал от посторонних глаз хоромы в три жилья высотой, две конюшни да три амбара для разного добра: отдельно для рухляди, отдельно для хлеба, отдельно для прочих припасов. Здесь обитали ордынские стряпчие, присланные на Русь по той или иной надобности, татарские купцы, обычные путники и, понятно, приезжающие в Москву знатные посланники. От причалов до ворот двора было от силы три сотни шагов, если не менее — но тут дело заключалось не в расстоянии, а в достоинстве. Не должен знатный мурза ходить по улице пешком! Хоть сто верст, хоть сто шагов — но путешествовать надлежало верхом.

Продолжая размышлять над поведением московского князя, посол степенно проехал по мосту, не глядя на отвернувшихся стражников, по толстому тесу настила, положенного внутри крепости поверх земли, миновал широко распахнутые створки подворья. На-

тянул поводья и пригладил свою любовно вычесанную бороду, думая над ответными действиями.

Итак, первую схватку великий князь Дмитрий у него выиграл! Встречать ордынского посла не вышел — давая знать, что готов к продолжению войны. Выходит, клятву верности или дань просить у него бесполезно. Все равно получить не удастся — токмо опозоришься многими прямыми отказами. Если невозможно истребовать большого — значит, придется добиваться малого.

Посол уже понял, что первыми русские не поклонятся. И чем дольше мурза станет ждать их посыльного — тем глупее будет выглядеть, когда в конце концов придется переступить через свою гордость. Посему правильнее всего начать игру первым, выдавая вынужденную уступку за простую торопливость.

— Скачи в княжеский дворец, воин! — повернулся ко встретившему его слуге мурза Карач. — Скажи, в столицу великого князя Дмитрия Ивановича прибыл мурза великого и непобедимого царя Тохтамыша, каковой желает скорейше его видеть! Хотя нет, постой... — Татарин немного поколебался, размышляя. Спешился, бросил поводья кому-то из дворни, отер подбородок, но решил ничего более к своему посланию не добавлять. Хлопнул скакуна по крупу и кивнул: — Скачи!

Мурза Карач усмехнулся, пригладил бороду: пусть теперь у русских голова болит — как проявить учтивость к знатному, но враждебному гостю, не уронив при том своей княжеской чести.

— Баню, пирогов, хмельного меда и квасу в парную! — распорядился мурза в сторону суетящихся слуг и устало потянулся.

Он знал, как хорошо умеют отдыхать русские, и раз уж его занесло в сии северные чащобы — мурза намеревался в полной мере получить все возможные удовольствия!

* * *

Расчет бывалого дипломата оказался точен.

Московский князь достаточно ясно показал, что готов продолжать войну до победного конца — однако до прямой грубости не унизился и даже прислал к ордынскому послу слугу, каковой побеспокоился от имени Дмитрия Ивановича насчет здоровья гостя после долгого пути, пожелал ему хорошо отдохнуть, а также передал бочонок хмельного меда и крупного, целиком запеченного оленя от княжеского стола мурзе Карачу — угоститься с дороги.

Посол в тот же день отдалился большим коробом сладкого полупрозрачного персидского баслюка и рассыпчатой бухарской халвы — сладостями, для Руси редкостными, привозными.

После чего говорить об унижениях, причиненных русским князем ордынским гостям, стало бессмысленно. Какие обиды, коли правитель и посол подарками обмениваются, здоровьем беспокоятся и уважительные послания друг другу посылают?

Может статься, именно поэтому великий князь не стал мурыжить татар долгим безвестным ожиданием — и уже пятнадцатого ноября мурза Карач, облаченный в драгоценный халат, крытый изумрудным шелком и опушенный соболем, а также в синюю чалму, украшенную страусиным пером и усыпанную крупными самоцветами, вошел по цветастым персидским коврам в просторную посольскую палату